

Annotation

«...Двери бухгалтерии и кассы, судя по вмятинам на косяках, были взломаны металлическим предметом с плоским раздвоенным, как у плотничной выдерги, концом. Этой же «выдергой», похоже, вскрыли и сейф, который оказался вытащенным из тесного помещения кассы в просторную бухгалтерию и лежал опрокинутым с распахнутой дверцей...»

- [Михаил Черненко](#)
-

Михаил Черненко

ОПЕРАТИВНЫЙ РОЗЫСК

Повесть

1

Теплый июльский дождь, безобидно заморосив с вечера, к полуночи вдруг хлынул как из ведра. Сопровождаемый сердитым рычанием грома, он долго полоскал улицы Новосибирска и окончательно обессилел лишь перед самым рассветом. Яркое солнце, лениво всплыв над горизонтом, беспечно заискрилось в многочисленных лужах на мокром асфальте. Утро выдалось на редкость ясным и свежим.

Кассир хлебокомбината № 3 Сергутина появилась в этот день на работе раньше обычного — надо было выдать зарплату ночной смене. Часы показывали десять минут девятого, когда она, взяв у хмурой пожилой вахтерши ключ от бухгалтерии, торопливо выскочила из продуваемой сквозняками проходной, обогнула широкую лужу перед крыльцом хлебокомбинатовской конторы и, поскрипывая деревянными ступенями расшатанной лестницы, легко поднялась на второй этаж.

У закрытого окошечка кассы толпилась большая очередь. Дождавшись кассира, рабочие оживленно заговорили. Сергутина небрежно ответила на разнобойные приветствия, протянула ключ к замочной скважине и растерянно замерла — дверь бухгалтерии, через которую проходили в кассу, была приоткрыта. Распахнув ее шире, кассир испуганно ойкнула и со всех ног бросилась к выходу из конторы. Рабочие недоуменно засуетились. Молоденький розовощекий мукосей с заспанными глазами любопытно заглянул в бухгалтерию, резко отшатнулся, словно кто-то невидимый внезапно ударил его по лицу, и сорвавшимся голосом объявил:

— Сейф вспороли...

Оперативная группа, возглавляемая заместителем начальника отдела уголовного розыска горуправления милиции подполковником Моисеевым, прибыла на место происшествия через десять минут после тревожного телефонного звонка, поступившего в дежурную часть УВД. В густой испарине от ночного ливня, как и следовало ожидать, служебная собака Дик след не взяла.

Дверь бухгалтерии и кассы, судя по вмятинам на косяках, были взломаны металлическим предметом с плоским раздвоенным, как у плотничной выдерги, концом. Этой же «выдергой», похоже, вскрыли и сейф, который оказался вытащенным из тесного помещения кассы в просторную бухгалтерию и лежал опрокинутым с распахнутой дверцей. Возле него валялись несколько приходно-расходных ордеров, надорванный листок платежной ведомости, с десяток мелких монет и — все. Рядом с сейфом темнели широкие мазки, как будто грязной тряпкой пытались затереть на полу многочисленные следы босых ног. На взломанной двери кассы белел квадратик бумаги с жирной фиолетовой печатью, оказавшийся совсем пустяковым барьером для преступников.

По сбивчивому рассказу кассира, из сейфа похитили около пятнадцати тысяч рублей.

— Понимаете, вчера, ну это... день зарплаты у нас был, — нервно сжимая пальцы, говорила кассир. — Деньги я получила в Госбанке поздно. Приехали на комбинат, сразу стала выдавать. До восемнадцати сорока выдавала. Потом получила за себя и за мужа, спрятала оставшиеся деньги в сейф, замкнула его в присутствии главного бухгалтера, опечатала дверь кассы, — Сергутина показала на белеющую бумажку с печатью. — Вон, видите, можете убедиться сами...

— Кто, кроме вас, знал, что в сейфе осталась на ночь крупная сумма денег? — спросил подполковник Моисеев.

— Все комбинатовские знали.

— Сколько получили в Госбанке?

— Двадцать три тысячи шестьдесят три рубля, — без запинки ответила кассир.

— Какими купюрами?

— Сто штук, помню, по двадцать пять рублей. Пять тысяч пятерками — в пачках по сто штук, затем связаны в одну общую пачку и опечатаны пломбой. Десятками было десять пачек, по сто штук в каждой. Десять пачек по триста рублей тройками. Ну и еще россыпь разными купюрами...

— Сколько из этих денег выдали?

Сергутина тревожно посмотрела на эксперта-криминалиста, обрабатывающего сейф порошком для снятия отпечатков пальцев, пожалала плечами:

— Не знаю... Наверно, половины даже не выдала. Народу у кассы было меньше, чем сегодня собралось.

— Кто получал последним?

Сергутина опять дернула плечами:

— Не знаю... Помню, в окошко кассы заглянул наш комбинатовский охранник и спросил, долго ли буду выдавать деньги. Я ответила, что денег еще много. Охранник повернулся и ушел.

— Кто еще в это время находился у кассы?

— Никого не было. Я сразу закрыла окошко, убрала деньги в сейф, опечатала.

— Где ключ от сейфа хранится?

— У меня дома, вместе с ключом от кассы.

Недолго помолчав, Моисеев снова задал вопрос:

— Муж ваш тоже здесь работает?

— Да, здесь, на комбинате. Только он ночью никуда из дома не отлучался! — испуганно ответила кассир и мгновенно заговорила о другом: — А с работы я уходила вчера вместе с главбухом. В конторе уже ни души не было, только техничка убирала. Мы ей ключ от бухгалтерии отдали...

В это время начальник отделения уголовного розыска райотдела старший лейтенант милиции Ницак и инспектор ОУР горуправления лейтенант Шехватов в приемной директора хлебокомбината разговаривали с техничкой Быковой.

— Не волнуйтесь, Мария Ивановна, вспоминайте подробнее, — успокаивал Шехватов перепуганную случившимся пожилую женщину.

— Да чо мне волноваться... — пряча за спину дрожащие руки, техничка смущенно отвела в сторону глаза. — На работу вчера пришла в четыре часа дня. Получила деньги. Стала в первую очередь прибирать те кабинеты, от которых ключи не оставляют. Бухгалтерию прибирала последней. На дверях кассы, как всегда, белая бумажка с печатью была приклеена. Я внимательно ее разглядела — боялась, чтобы не повредить. Когда, значит, приборку закончила, сходила в цех. Булочку там взяла. Пришла сюда, где теперь вот сидим, и стала кушать.

В разговор вмешался Ницак:

— В какое время это было?

— Наверное, часов в девять вечера.

— Кроме вас, в конторе кто-нибудь был?

— Доедая булочку, услышала шаги по коридору. Подумала, что это охранник Пушкив, и крикнула: «Не закрой меня!» Потом выглянула в коридор. Пушкив проверял двери кабинетов, — дергал их, чтобы убедиться, что они на замки закрыты.

— Во сколько ушли домой?

— В десятом часу вечера.

— Подозрительных людей в конторе или на территории комбината не встретили?

— Нет, никого здесь уже не было, — техничка вытащила из-за спины руки и опять быстро спрятала их за спину. — Возле бараночного цеха видела охранницу Анну, фамилии не знаю. Она сказала, чтоб я оставила в проходной ключи от кабинетов. Так мы всегда ключи там оставляем.

— А кто двери конторы закрывал?

— Охранник Пушкив обязан был это сделать.

Ницак повернулся к Шехватову. Тот, без слов поняв его, молча вышел из приемной. Через несколько минут он вернулся, пропустив

впереди себя мрачного, по возрасту похожего на пенсионера охранника.

Разговор с Пушковым долго не клеился. Чувствуя ответственность, охранник явно перестраховывался. Не глядя собеседникам в глаза, он упорно доказывал, что несмотря на проливной дождь, почти через каждый час обходил ночью территорию комбината. Ничего подозрительного во время этих обходов не замечал. Догадываясь, что сотрудники милиции ему не верят, Пушков обреченно вздохнул:

— Свидетели могут подтвердить...

— Что? — быстро спросил Ницак.

— Как я обходы делал.

— Какие свидетели?

— Кочегары из котельной. Часов в одиннадцать я к ним заходил. Там еще слесарь бараночного цеха Сергей Дударев сидел.

— Кочегаров как фамилии?

— Одного фамилии не знаю. Высокий, рыжий, в очках. А другой — Сверчков.

— Кочегары вдвоем дежурят?

— Нет. Сверчков ошибочно пришел. Я еще его спросил: «Почему не в свою смену?» Он сказал, дескать, механик своевременно не предупредил.

— Смены когда меняются?

— В двенадцать ночи.

— И Сверчков, придя на смену по ошибке, так поздно засиделся в кочегарке?

— Получка вечером была, ясно дело...

— Что ясно?

— Обмывали получку-то. Правда, врать не стану, рыжий вроде бы трезвый был, а Сверчков с Дударевым под заметным турахом находились:

Молчавший до этого лейтенант Шехватов неожиданно спросил:

— Каким путем, по вашему мнению, преступники проникли на второй этаж конторы?

Охранник тяжело вздохнул:

— Затрудняюсь сказать... Обе двери второго этажа я закрыл вечером, когда техничка здесь управилась. Ту, которая ведет в

бараночный цех, верхним и нижним шпингалетами из коридора прикрыл, а входную, у лестницы, на висячий замок снаружи замкнул.

— Ночью свет в бухгалтерии или кассе не загорался?

— Нет, — твердо ответил Пушкив.

Шехватов подошел к окну. Глядя на загружающийся у бараночного цеха автофургон с крупной надписью «ХЛЕБ», опять спросил охранника:

— Ну, а кто ж, по-вашему, совершил преступление?

Пушков нервно потер морщинистое лицо, несколько раз натужно кашлянул, словно у него вдруг запершило в горле, и только после этого неуверенно проговорил:

— Может, плотники...

Шехватов, резко отвернувшись от окна, перехватил ускользящий взгляд Пушкива:

— Кто?..

— Плотники, говорю, которые у нас тут склад строят, а на днях в красном уголке ремонт стали делать.

— Где этот уголок?

— Тут вот... На втором этаже, в конце коридора.

Красный уголок хлебокомбината был только-только подготовлен для ремонта. По стенам и потолку пестрели глубокие оспины отбитой штукатурки, на щелястом полу с пятнами облупленной старой краски беспорядочно громоздились оторванные трухлявые половицы, кругом — известковая пыль, древесная стружка, клочья пожелтевших газет, журналов. Инеродным телом в этом хаосе казалось новенькое полированное пианино, рядом с которым на прислоненном к стене кособоком стуле лежали кусок зачерствелого хлеба и огрызок луковицы. Все окна были закрыты, отчего в помещении держалась плотная духота, насыщенная запахом иструхшего дерева.

Обойдя стороной оторванные половицы, Ницак и Шехватов подошли к окнам. Следом за ними робко двинулся охранник Пушкив.

Под самыми окнами ржавая крыша прикрывала какую-то пристройку высотой около двух с половиной метров от земли. Через двор, у дощатого забора, ограждающего территорию хлебокомбината, под простеньким навесом лежали, как сказал охранник, пустые баллоны из-под углекислоты. К наружной стороне забора вплотную примыкала усадьба с одиноким потемневшим от времени домиком.

— Наш рабочий, Бухтармин, живет, — показывая взглядом на домик, сказал охранник Пушкив. — Вчерашним вечером с какой-то компанией до самой полночи бражничал.

— А ночью?.. — коротко спросил Ницак.

— Ночью тихо было, — охранник вздохнул. — Правда, дождик так здорово хлестал, что мог заглушить гулянку.

Шехватов медленно подошел к пианино. Заметив на задней крышке отпечатки рук, осторожно приподнял ее. На струнах лежала пустая бутылка с водочной этикеткой. Подозвав охранника, спросил:

— Это в порядке вещей?

— Так получка же вчера была...

— На комбинате что, традиция такая?

— Ну, нельзя сказать, что традиция, а вот... — охранник замялся.

— Выпивают с получки отдельные несознательные личности.

— Начальство-то как на такое безобразие смотрит?

— Выговора в приказах пишет. Некоторых увольняют...

— Значит, считаете, плотники совершили кражу? — внезапно сменил тему разговора Шехватов.

— Почему считаю... Предположение высказываю.

— На чем это предположение основано?

— Ну, как объяснить... Подозрительные они какие-то. Больше перекуривают, чем работают. А то, бывает, и целыми днями на работу не появляются — матерьялу, видите ли, у них нету.

— Вчера, когда двери второго этажа закрывали, плотники здесь были?

— Нет, не было! Я специально сюда заглянул, — торопливо ответил Пушкив, но взгляд его при этом так быстро ускользнул от взгляда Шехватова, что не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться: охранник, закрывая на ночь двери, в красный уголок не заглядывал.

Отправив Пушкиова за плотниками, которые, по его словам, должны были находиться «где-то здесь, в конторе», Ницак и Шехватов принялись осматривать окна. На одном из них верхний шпингалет оказался открытым, а нижнего вообще не было. Учитывая пристройку под окном, можно было думать, что преступники, совершив кражу денег, спустились со второго этажа именно через это окно.

Вскоре Пушкиов возвратился в сопровождении моложавой, но уставшей по виду женщины. Разведя руками, он, вроде бы извиняясь, заговорил:

— Время за десять перевалило, а плотников на комбинате до сей поры нет, — и мельком взглянул на женщину. — Вот Марию Гавриловну пригласил, возможно, она чего-нибудь дельное разъяснит по прошлой ночи, а со мной там следователь желает говорить. Однако пойду к нему.

Ницак утвердительно кивнул:

— Идите.

Мария Гавриловна Пересветова была начальником смены, которая работала в прошлую ночь с двадцати четырех до восьми утра. По ее заявлению, смена прошла «как в аду». Около двух часов ночи в хлебном цехе поломался четвертый шнек. Три дежурных слесаря никак не могли справиться с ремонтом, а четвертого из них — практиканта Кемеровского техникума пищевой промышленности Сергея Попова — долго не могли найти. Оказывается, придя на смену, он пристроился в кочегарке за котлом и проспал там почти до четырех часов. Вдобавок ко всему, когда маялись с ремонтом шнека, со смены загадочно исчезли практиканты-мукосеи, из-за чего возникла угроза остановки всей поточной линии...

— И долго их не было на смене? — спросил Ницак.

Пересветова машинально посмотрела на наручные часы:

— Минут пятнадцать, не больше. Иначе линия наверняка остановилась бы.

— Куда же они исчезли?

— Кто их знает, куда. Некогда было разбираться.

— Трезвые были?

— Да, иначе я не допустила бы к работе.

— А практикант Попов?

— Тоже трезвый.

— То, что он спал в кочегарке — это точно?

— Так, во всяком случае, сказал, когда отчитывать начала, — Пересветова тыльной стороной ладони поправила волосы. — Да, собственно, и видок у него был основательно заспанный.

— Что он собою представляет как человек?

— Мальчишка.

— А мукосеи?

— Такие же пацаны, тоже из техникума на практике.

— Не могли они в сговоре с Поповым совершить кражу?

Пересветова махнула рукой:

— Что вы!.. Они совеем еще дети, смелости на такое не хватит. Здесь опытный бандюга орудовал. Вся моя смена без зарплаты осталась. Сейчас вот только обсуждали. Главное, так тихо все обстряпано, что никто из смены ничего не слышал.

— И вы лично ничего не слышали?

— Я лично из цеха всю смену не выходила. А там машины гудят, да и сломавшийся шнек все нервные клетки у меня за ночь отнял. Ужасная смена досталась, такое у нас редко случается. Думаю: не специально ли это подстроено?..

Ницак попытался уточнить: кто и что мог специально «подстроить», однако Пересветова неожиданно заговорила с той хитровой уклончивостью, которую принято называть «вокруг да около». В разговор дипломатично включился Шехватов, но и его старания ровным счетом ничего не дали. Казалось, начальница смены или брякнула свое загадочное предположение ради красного словца, или внезапно испугалась щепетильной перспективы оказаться в роли свидетеля, изобличающего преступников конкретными фактами. Чтобы долго не толочь в ступе воду, Ницак решил подойти с другого конца:

— Мария Гавриловна, а раньше на комбинате случались кражи?

Пересветова кончиками указательных пальцев потерла усталые глаза:

— Год назад вот из этого красного уголка новенькие шелковые шторы стоимостью в двести сорок шесть рублей украли. Я тогда председателем завкома работала. Первого июля к нам на практику пришли студенты торгового института. Занятия с ними проводила начальник ОТК Родионова Анна Сергеевна. Я ей ключи от красного

уголка отдала. Через неделю как-то заглянула сюда, вижу, окна некоторые открыты и штор нет. Кольца от них аккуратно сложены на подоконнике. Почему-то подумала, что техничка сняла шторы постирать. Потом выяснилось: никто из техничек шторы не брал.

— В милицию об этом заявляли?

— Нет. Обсудили случившееся в коллективе, думали, шторы найдутся, но они — как в воду канули.

Разговор прервали внезапно появившиеся плотники. Было их трое: два дюжих молодца в старомодных кепках-восьмиклинках и худенький старичок уже пенсионного возраста, как после выяснилось, бригадир. Увидев сотрудников милиции, плотники недоуменно переглянулись. Старичок, похоже, из всех трех самый общительный по характеру, поставив на пол ящик с инструментами, бодренько проговорил:

— Работать пришли! Можно приступать к исполнению служебных обязанностей или как?..

— Приступайте! — в тон ему ответил Шехватов и, сделав вид, что морщится от застойного воздуха, спросил: — Как вы в такой духоте работаете?

— Окна для проветривания открываем.

— А закрывает кто?

— Сами и закрываем в конце работы.

— Вчера закрывали?

— Ну, а ка-а-ак же! — без тени сомнения нараспев протянул старичок. — Мы, товарищ начальник, порядок соблюдаем будь здоров!

Шехватов показал на открытый оконный шпингалет:

— Вот так вот?

Плотники разом сунулись к указанному окну и запальчиво начали выяснять друг у друга, кто из них вчера закрывал окна! В результате непродолжительных, но очень бурных дебатов «выяснилось», что никто из троих вчера вообще окна не открывал, а следовательно, и закрывать их не было необходимости. Придя единогласно к столь очевидной истине, плотники с показной ретивостью принялись отрывать оставшиеся в красном уголке половицы. Наблюдая, как они, нет-нет да и звякая топорами по гвоздям, старательно крошат старые плахи, Шехватов усмехнулся:

— У вас, мужики, выдержки нет, что ли? Загубите ведь с такой работой топоры.

Все тот же общительный старичок-бригадир грязной ладонью вытер вспотевший лоб:

— Была выдержка, да сплыла.

— То есть?..

— Полмесяца назад, когда склад начинали строить, какая-то раззява унесла, — старичок вторично мазанул ладонью по лицу и с неестественной веселостью хохотнул.

Одной из серьезных неприятностей в начальной стадии раскрытия преступления для сотрудников уголовного розыска и следствия является вмешательство всевозможных ведомственных начальников, которые, появляясь на месте происшествия из чистого любопытства, тем не менее стараются придать своему визиту деловую видимость. Учиняя направо и налево руководящие разносы, такие визитеры не только шокируют и без того перепуганных случившимся своих подчиненных, но и отвлекают от дела работников дознания, взвинчивают им нервы.

Не обошлось без визитеров и на этот раз. Первая персональная «Волга» появилась на территории хлебокомбината № 3, когда стрелки часов только-только показали начало рабочего дня. С ее легкого почина начальников будто прорвало, и каждая вновь прибывающая машина доставляла все более именитого руководителя. Последним, близко к полудню, прикатил грузный мужчина, занимающий чуть ли не главный пост в областной хлебобулочной промышленности. Перекинув через руку светлый плащ, он тяжело поднялся по скрипучей лестнице на второй этаж и, никого ни о чем не спросив, словно мифический разъяренный Зевс, принялся метать громы и молнии. Разделав в пух и прах перепуганного директора хлебокомбината, высокопоставленный начальник начал было упрекать в нерасторопности оперативную группу, однако подполковник

Моисеев со свойственным ему тактом быстро дал понять громовержцу, что изготовление булок и розыск преступников — далеко не родственные компетенции.

— Это мы еще посмотрим! — угрожающе изрек разгневанный начальник и, сердито перебросив с руки на руку свой плащ, чуть не столкнулся с входящими в бухгалтерию Шехватовым и Ницаком.

— Психуют здесь всякие... — глянув на удаляющуюся широкую спину, хмуро проговорил Шехватов.

— А потом деньги теряются, — с усмешкой добавил Ницак.

Следователь Прокопенко, мельком посмотрев на вошедших, принялся строчить очередную страницу протокола осмотра места происшествия. Эксперт-криминалист на корточках елозил по полу, стараясь изъять на дактилопленку хотя бы один из смутных отпечатков босых человеческих ног. Из смежной с бухгалтерией комнаты расчетной группы доносился приглушенный голос прокурора, разговаривающего с кассиром Сергутиной.

Едва только Ницак и Шехватов высказали Моисееву свои соображения, в бухгалтерию порывисто вошел старший инспектор ОУР горуправления капитан милиции Беляев. Устало присев на краешек стола, он бросил короткий взгляд на колдующего с дактилопленкой эксперта-криминалиста и сразу повернулся к Моисееву:

— Следы босых ног, Геннадий Федорович, обнаружены в лаборатории, расположенной с противоположной стороны коридора. Больше нигде нет.

— Еще что там, Валентин Петрович? — спросил Моисеев.

— Из трех окон лаборатории среднее — без наружной рамы, открыто. Замок на двери английский, изнутри открывается без ключа. И еще... — Беляев показал на дверной проем, откуда слышался голос прокурора. — На наружной двери расчетной группы, около замка, имеются вмятины, как будто ее взламывали, но она не поддалась. По всей вероятности, преступники знали эту контору как свои пять пальцев.

— И проникли на второй этаж через лабораторию?

— Точно, Геннадий Федорович.

Моисеев слегка повел головой в сторону Ницака и Шехватова:

— А они считают местом проникновения красный уголок. Там через пристройку подняться на второй этаж — пара пустяков.

— Может быть, но тогда... — Беляев недолго помолчал. — Что за следы в лаборатории? На дактилопленку изъять их можно?

— Вряд ли. Отпечатки плохие, мазня получится.

Подполковник Моисеев задумался. Глядя на массивный опрокинутый посредине бухгалтерии сейф, словно размышляя вслух, проговорил:

— Сколько же их здесь было, преступников? Один или...

Беляев тоже посмотрел на сейф:

— Одному с такой махиной трудноато справиться, а в то же время... Что-то, Геннадий Федорович, мне рецидивист Зубенин вспомнился, который в нашем Доме культуры такой же вот металлический ящик вскрыл...

Моисеев отрицательно повел головой:

— Нет, Валентин Петрович, здесь другой «почерк», по-своему оригинальный... Знаешь, что... Посмотри в отделе кадров личные дела работников комбината, поинтересуйся прошлыми судимостями, у кого они есть, — Моисеев повернулся к молчаливо слушающим Ницаку и Шехватову. — А вы берите сейчас всех свободных из опергруппы и организуйте поиск орудия взлома.

— Мы уже всю территорию комбината обшарили, — сказал Шехватов. — Кругом пусто.

— Еще раз, как говорится, снова да ладом пройдитесь. Рано складывать руки, — Моисеев на несколько секунд задумался. — Понимаете, не может такого быть, чтобы преступники, уходя с крупной суммой денег, понесли с собой орудие взлома. Здесь где-то они этот ломик или... выдергу спрятали. Ищите, обязательно ищите.

Получив от подполковника задание — искать орудие взлома, Ницак и Шехватов разделили между собой участки. Шехватову предстояло обследовать территорию, прилегающую к пристройке под

окнами красного уголка, и с противоположной от проходной стороны конторы, куда выходили окна лаборатории.

Щедрое июльское солнце, миновав зенит, отчаянно палило с безоблачного неба, оставив от прохладного, свежего утра одно лишь воспоминание. Жара не только угнетала физически, но и давила на психику. Усилием воли заставив себя сосредоточиться, Шехватов зашел под навес, где лежали пустые баллоны из-под углекислоты. В тени было легче. Издали пристройка под окнами красного уголка казалась совсем низкой. Рослый человек мог на нее взобраться с земли без особого труда. Для этого надо было чуть подпрыгнуть и ухватиться за кромку крыши.

«На стене при этом должны остаться следы ног», — подумал Шехватов и, подойдя к пристройке, принялся внимательно осматривать стены. Ливший ночью дождь оставил на них грязные потеки, однако ни малейших признаков следов не было. Шехватов вернулся под навес и теперь уже стал осматривать издали двухэтажное здание конторы в целом. Справа от пристройки дымила высокая труба котельной, чуть левее которой по стене тянулась узкая пожарная лестница, ведущая на крышу здания. Ни в одно из окон второго этажа, как прикинул Шехватов, с этой лестницы попасть было невозможно.

Неожиданно за спиной Шехватова что-то скрипнуло. Он резко обернулся — прямо перед ним стоял щуплый пожилой мужчина с запекшимися, как от ожога, коростинами на левой щеке.

— Откуда вы взялись? — удивленно спросил Шехватов.

Мужчина растерянно показал на раздвинутые доски забора:

— Оттуда.

— Здесь что, проходная?

— Работаю я здесь, вот что, — нахмурился мужичок.

— Кем?

— Кочегаром.

— Фамилия как?

— Сверчков.

«На ловца и зверь бежит», — мелькнула у Шехватова мысль, и он как можно миролюбивее спросил:

— Чего ж на работу через забор ходите?

— Живу на Демьяновской. До проходной весь комбинат надо обходить, а здесь напрямую в кочегарку попадаю, — как ни в чем не

бывало ответил Сверчков.

Шехватов показал на лежащие баллоны:

— Присядем, минутку побеседуем.

— Минутку можно, — согласился Сверчков. Оказался он, в общем-то, разговорчивым человеком.

Осторожно задавая вопросы, Шехватову быстро удалось получить почти полное подтверждение показаний охранника Пушкива. Оказывается, вчерашним вечером Сверчков действительно находился в кочегарке не в свою смену. Приходил на хлебокомбинат, чтобы получить зарплату, но не успел — касса уже закрылась. На территории встретил слесаря Сергея Дударева, у того была бутылка вина. Зашли в кочегарку. Дежурил там кочегар Обручев — рыжий, в очках. Втроем выпили. Дударев сбегал еще за парой бутылок. Их «уговорили» вдвоем, с Дударевым. Обручев пить больше не стал, дежурить ему надо было до двенадцати ночи.

— Во сколько вы ушли домой? — спросил Шехватов.

— Не помню, закосели мы с Серегой крепко, — смущенно проговорил Сверчков.

— Охранник Пушкив при вас заходил в кочегарку?

— Кажется, заглядывал, когда выпивка кончилась.

— Почему сказали ему, будто пришли не в свою смену из-за того, что механик вас не предупредил?

На лице Сверчкова появилось неподдельное удивление:

— А чо я должен был сказать, что кирять пришел?..

Усмехнувшись в душе своеобразной «логике» Сверчкова, Шехватов снова задал вопрос:

— Ушли с территории хлебокомбината вместе с Дударевым?

— Нет, не вместе, — Сверчков показал на дыру в заборе. — Я своим путем двинул, а Серега, кажись, к проходной направился. Он в другой стороне живет.

— Что за человек Дударев?

— Ничего, компанейский мужик. Иной раз, как перепьет, в пузырь лезет, с начальством цапается, а так, вообще, нормальный.

— А Обручев?

— Псих придурковатый.

— Почему?

— Потому, что мама таким родила, — Сверчков повернулся к Шехватову левой щекой. — Вот это видишь? Его работа... Кастрюлю горячего супа дурак дерьмом писанный на меня выплеснул, чуть калекой не сделал. И, думаешь, за что?.. Не побоялся в глаза ему сказать, кто он есть на самом деле.

— Кто же он есть?

— Крохобор.

Сверчков презрительно сплюнул себе под ноги и принялся рассказывать историю своего конфликта с Обручевым. «История», честно говоря, была примитивной. На прошлой неделе Сверчков сварил во время дежурства суп. Когда он со своим напарником по смене слесарем Артамоновым собрался ужинать, в кочегарку зашел Обручев. Нахально взяв ложку, хлебнул из кастрюли и брезгливо сказал: «Баланда». Сверčkова такая оценка его кулинарных способностей оскорбила до глубины души: «Катись отсюда, крохобор!» В ответ, ни слова не говоря, Обручев схватил кастрюлю и выплеснул варево в лицо Сверчкову. По этому поводу Сверчков обратился с заявлением в народный суд, но там после медицинской экспертизы признали телесные повреждения потерпевшего незначительными и предложили рассмотреть возникший конфликт в товарищеском суде, а этот суд на хлебокомбинате собирается «раз в году и то не всегда».

Шехватов улыбнулся:

— Пока суд соберется, помириться можно?

— До гроба я с крохобором не помирюсь! — вспыхнул Сверчков.

— Вчера ведь вместе выпивали.

— Это Серега Дударев придурка угощал. Что касается меня, то помирать, гад, будет с похмелья — стопки не налью!

— Часто пьет?

— Когда подадут. У самого-то, крохобора, больше тридцати копеек в карманах не бывает. Выгребет в ладошку медяки и трясет ими: кто добавит?

— К работе как относится?

— Бык здоровый, тридцати годов еще нет. Чего в такие годы не работать, — уклончиво ответил Сверчков и тут же торопливо спросил: — Который час, а?..

Шехватов глянул на часы:

— Третий уже начался.

Сверчкова словно ужалило:

— Елки-моталки! Опять зарплату прохлопаю!

Смутное беспокойное чувство осталось у Шехватова от разговора со Сверчковым. Казалось, задиристый кочегар-выпивоха ради того только и вынырнул внезапно из-за забора, чтобы с глазу на глаз встретиться с сотрудником уголовного розыска и как бы между делом сообщить, что ни сном ни духом не ведает о краже денег из хлебокомбинатовской кассы.

Анализируя различные предположения, Шехватов обошел здание конторы хлебокомбината и остановился на пустыре перед окнами лаборатории. Среднее окно с выставленной наружной рамой по-прежнему было открыто. В полуметре над ним нависал небольшой карниз пологой крыши, спуститься с которой в окно вроде бы было невозможно. Отойдя на десяток шагов, Шехватов стал осматривать крышу издали. После ночного ливня она выглядела чистой и однотонной. Внимание привлекла толстая металлическая труба электроввода. Она возвышалась на самом коньке крыши по прямой линии над раскрытым окном лаборатории. Стоило к этой трубе привязать веревку и тогда... невозможное становилось возможным.

Пристально глядя под ноги, Шехватов шаг за шагом начал обследовать поросший чахлой травой пустырь под окнами лаборатории. На глаза то и дело попадались обломки битого кирпича, ржавая проволока, куски штукатурки, осколки стекла — словом, обычный строительный мусор, которого полным-полно на каждом пустыре. Приходилось лишь удивляться, как на такой почве умудряется расти хоть и чахлая, но все-таки зелень. Рассматривая серовато-бурую слежавшуюся от времени смесь строительных отходов, метрах в пяти левее окон лаборатории Шехватов вдруг увидел вывороченный комок черной земли. И тотчас радостно стукнуло сердце — рядом с комком из-под лопушистого репейника виднелся раздвоенный конец металлической плотничной выдерги.

Первое оперативное совещание подполковник Моисеев провел непосредственно на месте происшествия сразу после того, как инспектор ОУР Шехватов обнаружил выдергу — предполагаемое орудие взлома. Работа была проделана большая. За неполный рабочий день участники оперативной группы успели опросить без малого сотню человек. Однако из собранных свидетельских показаний, которых набралось с избытком, складывалась удивительно противоречивая картина. Свидетели не только путали время, когда у них пытались это уточнить, но даже толком не знали фамилий тех, с кем работали в одну смену, что называется, бок о бок. Чего-то сверхъестественного в этом не было, просто на хлебокомбинате была слишком большая текучесть кадров, и люди не успевали толком узнать друг друга. Оставляла желать лучшего и трудовая дисциплина, что особенно сказывалось в дни выдачи зарплаты. При столь печальном положении быстро вывести розыскников на след опытного преступника могла одна лишь счастливая случайность. Выслушав доклады участников оперативной группы, подполковник Моисеев с сожалением сделал для себя вывод, что счастье на сей раз оперативникам не светит, а посему предстоит очень трудная розыскная работа, и когда она кончится, предсказать невозможно.

Собранная оперативной группой информация позволяла сделать только один уверенный вывод: совершивший преступление хорошо знал расположение кабинетов на втором этаже хлебокомбинатовской конторы. Проникнув через окно в лабораторию, он изнутри открыл английский замок и вышел в коридор. Зная, что расчетная группа, бухгалтерия и касса находятся в смежных комнатах, и, видимо, полагая, что дверь расчетной группы запирается слабее, чем бухгалтерии, попытался взломать ее. Когда она не поддалась, взломал дверь бухгалтерии, а затем и кассы. Взламывать сейф в тесной кассовой комнатке с маленьким зарешеченным окном было несподручно. Поэтому преступник вытащил громоздкий металлический ящик в просторную бухгалтерию, под окнами которой к тому же светила яркая электролампа уличного освещения, и здесь расправился с ним как повар с картошкой.

Забрав деньги, вернулся в лабораторию, захлопнул за собою дверь, английский замок которой после проникновения оставлял

открытым, и по веревке, привязанной к трубе электропровода, взобрался на крышу. Иными словами, проделал обратный путь.

При этом спускался он в лабораторию, замыслив преступление, с одной лишь выдержгой, а подниматься пришлось еще и с большим узлом денег. Тяжелая металлическая выдержга мешала лезть вверх по веревке, и преступник, рискуя навести уголовный розыск на свой след, вынужден был бросить ее со второго этажа. Иного выбора не было.

— Геннадий Федорович, — обратился к подполковнику Моисееву кто-то из участников оперативной группы, — а если преступник был не один?..

Моисеев недолго подумал:

— Полностью исключать групповую кражу, конечно, нельзя, но на месте происшествия обнаружены отпечатки босых ног только одного человека.

— Ну, а зачем преступник вместе с деньгами забрал из сейфа платежные ведомости, чековую книжку и другие кассовые документы? Что, он не мог отличить их от денег? — опять спросил все тот же оперативник.

— Меня тоже интересует этот вопрос. Действительно, зачем?.. — Моисеев обвел взглядом присутствующих. — У кого есть мнения по этому поводу?

В ответ не последовало ни слова. Моисеев невесело усмехнулся:

— Что молчите, как неподготовленные студенты? — И посмотрел на начальника ОУР райотдела Ницака. — Твое мнение, Виктор Васильевич?..

Обычно энергичный, порывистый, старший лейтенант Ницак на этот раз ответил уставшим голосом:

— Видимо, что-то компрометирующее преступника в этих документах было. Может, какая-то расписка, расходный ордер, выписанный на его имя, или... просто побоялся, что на кассовых бумагах останутся отпечатки пальцев. Ведь, когда он выгребал из сейфа деньги, наверняка касался и этих бумаг. Короче, преступник, по моему мнению, в уголовных делах не новичок.

Подполковник Моисеев повернулся к следователю Прокопенко:

— Плотников допросили?

Следователь виновато развел руками:

— Пока их бригадира допрашивал, они как испарились. Вахтерша говорит, через проходную не выходили.

— Здесь через забор в любом месте можно выйти, — сказал Шехватов.

Моисеев вскинул на него глаза:

— Надо, Виктор Федорович, немедленно разыскать плотников и выяснить их алиби, — проводив взглядом торопливо поднявшегося Шехватова, подполковник посмотрел на старшего инспектора ОУР горуправления капитана Беляева: — Валентин Петрович, проверили судимости сотрудников хлебокомбината?

Беляев раскрыл записную книжку:

— Судимостей, Геннадий Федорович, не много. В основном хулиганство, мелкие хищения и тому подобное. Заслуживают внимания, на мой взгляд, двое: кочегар Обручев и шофер Шурыгин. Обручев первый раз осужден в феврале шестьдесят первого года. Наказание отбыл в шестьдесят четвертом году и вернулся в Новосибирск.

Здесь схлопотал вторую судимость. В апреле шестьдесят пятого года, будучи в нетрезвом состоянии, за оперным театром вырвал у гражданки Лариной сумочку с двенадцатью рублями и пытался скрыться, но был задержан. Суд Центрального района определил Обручеву меру наказания в полтора года лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима. По имеющимся сведениям, находясь в следственном изоляторе, Обручев трижды нарушал дисциплину. Грешил этим и при отбытии наказания. Как не вставший на путь исправления к условно-досрочному освобождению представлен не был, а следовательно, наказание отбыл сполна. Освободившись, поступил кочегаром на хлебокомбинат имени Якушева, что в Октябрьском районе Новосибирска. Проработал там около года, затем устроился вот сюда. Живет в доме отчима на улице Собинова. Это здесь недалеко, за улицей Демьяновской. По работе замечаний не имеет, к своим обязанностям относится добросовестно. Жена работает здесь же, на комбинате, техничкой.

— Давно женился? — спросил Моисеев.

— Около года.

— Дети есть?

— Дочурка маленькая.

— Может, заведя семью, исправился...

— Возможно, — Беляев перевернул листок в записной книжке. — О шофере Шульгине таких подробных сведений в нашем информцентре нет, так как он был осужден на семь лет лишения свободы Пермским областным судом по статье девяностой УК РСФСР. Статья, как знаете, серьезная — хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем грабежа.

— Не беседовал с ним?

— Нет. Шурыгин уже четвертый день на комбинате не работает. Живет на улице Троллейной в частном доме. Любопытно, что вчера, в конце рабочего дня, он появлялся здесь. Вместе с рабочим комбината Бухтарминым прошел через проходную на территорию, а обратно, как уверяет вахтерша, не выходил...

Подполковник Моисеев повернулся к Ницаку:

— Дайте своим сотрудникам задание, чтобы самым тщательным образом проверили Шурыгина и Обручева. За хлебокомбинатом установите круглосуточное наблюдение, досконально разбирайтесь со всеми, кто пытается проникнуть на территорию или уйти с нее через различные лазейки, минуя проходную. Ясно?

Ницак утвердительно наклонил голову. Моисеев обвел взглядом присутствующих и заговорил снова:

— Просьба ко всем: приложите максимум усилий к собиранию доказательств. Каждого подозреваемого надо проверять, проверять и еще раз проверять...

Перед самым концом оперативного совещания пришел инспектор Шехватов. По подсказке дежурного охранника он отыскал плотников в новом, еще недостроенном складе. Расположившись на свежеструганных плахах, два дюжих молодца спали богатырским сном. Когда Шехватов их разбудил, они спросонья долго не могли прийти в себя и путанно, перебивая друг друга, кое-как рассказали, что всю прошлую ночь рыбачили на Обском море. Ни одного убедительного факта, подтверждающего их алиби, плотники привести не смогли.

Обедали участники оперативной группы, точнее сказать, ужинали в хлебокомбинатовской столовой. Шехватов оказался в очереди последним. Несмотря на то, что за весь день во рту, как говорят, маковой росинки не было, есть совсем не хотелось. Пожилая,

раскрасневшаяся от кухонной жары повариха хлебосольно наливала каждому по полной тарелке густых наваристых щей. Шехватов, когда подошла его очередь, от первого отказался. Повариха сочувствующе посмотрела ему в глаза и по-матерински ласково проговорила:

— Ешь, сынок, не расстраивайся. Найдете жуликов, народ вам поможет.

Сказано это было так искренне, что Шехватов невольно улыбнулся.

8

Проверку бывшего хлебокомбинатовского шофера Шурыгина начальник ОУР райотдела старший лейтенант милиции Ницак решил провести сам. По улице Троллейной, где жил Шурыгин, прокладывали теплотрассу, поэтому Ницаку пришлось долго петлять окольными тропинками, чтобы перейти глубокую траншею и добраться до нужного дома.

Рослый круглолицый Шурыгин выглядел значительно старше своих тридцати лет. Появление сотрудника уголовного розыска, казалось, его ничуть не удивило, и не встревожило. Во всяком случае, никаких эмоций на его лице не отразилось. Узнав, с кем имеет дело, Шурыгин спокойно положил на землю возле крыльца водопроводную трубу, которую перед приходом Ницака, похоже, пытался согнуть по деревянному шаблону, и глуховатым голосом сказал:

— Давно с угрозиском не встречался.

— Раньше, выходит, такие встречи были? — спросил Ницак.

Шурыгин хмуро хмыкнул:

— Целых три дня угрозиск меня ловил.

— За что?

— За дурость. В компании с корешами из киоска «Союзпечати» двести рублей хапнул и киоскера чуть не уколошил. На дармовщину выпить захотелось.

— Теперь не хочется?

— Когда семь лет от звонка до звонка в исправительно-трудовой колонии строгого режима отбухаешь, на дармовое не тянет. По молодости меня дружки тогда сбили.

Шурыгин посмотрел на измазанные ржавчиной ладони, вытер их о грязные штаны и, предложив Ницаку принесенную из дома табуретку, сам сел на нижнюю ступеньку крыльца. Ницак сразу направил разговор в нужное русло, Шурыгин отвечал спокойно, но настолько коротко, что создавалось впечатление, будто он боится сказать лишнее.

Вчера около трех часов дня к Шурыгину домой пришли хлебокомбинатовские монтеры. Фамилия одного из них Бухтармин, а другой — высокий пожилой мужчина по имени Евгений. Помогли перебросить электропроводку, так как из-за строительства теплотрассы пришлось переставлять столбы. Когда управились с работой, решили маленько выпить. Евгений дал пятьдесят копеек, а Бухтармин рубль. Шурыгин сходил за вином. Выпив, пошли на хлебокомбинат, где монтеры намеревались получить зарплату, а Шурыгину надо было раздобыть сгоны для водопроводных труб. На территорию хлебокомбината прошли через проходную. Шурыгин у слесарей механического цеха взял два сгона и ушел домой. Выходил с территории через дыру в заборе, которая у склада баллонов, рядом с усадьбой Бухтармина. Евгений с Бухтарминым после получки как будто собирались в закусную, которая находится возле вокзала Новосибирск-Западный, однако вместо этого вскоре опять пришли к Шурыгину. Дали ему три рубля и попросили купить пол-литра водки. С этой бутылкой втроем направились к Бухтармину. По пути к компании присоединились еще два парня: один, кажется, Николай, другой вроде бы Костя. Просидели у Бухтармина примерно до одиннадцати вечера.

— И после этого все разошлись? — спросил Ницак.

— Я один ушел, остальные еще за столом сидели, — ответил Шурыгин.

— Так долго впятером одну бутылку распивали?

— Почему одну... Ребята еще штуки три купунали.

— На чьи деньги?

— Трояк мне пришлось выложить, а еще, кажется, Бухтармин раскошелился, — Шурыгин, достав из кармана мятую пачку сигарет,

закурил. — У парней и Евгения денег, по-моему, ни копейки не было.

— Разве Евгений не получил зарплату?

— Нет. Сказал, очередь у кассы была большая, не захотел долго ждать.

— А Бухтармин?

— Тот вроде бы без очереди втерся.

— О чем говорили за столом?

— Как всегда... Пьяный бред несли кто во что горазд. Под конец до песен дело дошло, — Шурыгин глубоко затянулся сигаретой. Выпуская дым, спросил: — Что-то натворили, чувствую, мужики, да?..

— Угу, набедокурили маленько, — кивнув головой, простовато сказал Ницак. — Хлебокомбинатовскую кассу до копейки зачистили.

На круглом лице Шурыгина не дрогнул ни один мускул. Он лишь чуточку прищурился от табачного дыма, снова поднес к губам сигарету и усмехнулся:

— Не могли они этого сделать, пьяные в стельку все были.

— А вы? — быстро спросил Ницак.

— Я тоже как сапожник нализался, — Шурыгин сигаретой показал на узенькую дверь в стенке возле крыльца: — В кладовке ночевал, жена меня хмельного в дом не пускает.

Ответ не требовал расшифровки. Судя по нему, у Шурыгина не было даже мало-мальски убедительного алиби.

В этот же день, поздним вечером, Ницак встретился с Бухтарминым. Тот с пятого на десятое кое-как подтвердил рассказанное Шурыгиным. Из выпивавших у него собутыльников он более-менее был знаком с Шурыгиным, несколько раз привозившим ему на своей машине уголь, и с хлебокомбинатовским монтером Евгением, фамилия которого, как выяснилось, Ведров. О Косте Бухтармин знал только, что у того сестра работает водителем троллейбуса, а о пятом собутыльнике — Николае — «вообще понятия не имел, кто он и откуда». Ничего вразумительного не сказал Бухтармин и том, когда разошлись «гости». Заснул раньше их ухода и мертвецки проспал всю ночь. Так ли это было на самом деле, ни малейшего доказательства не имелось.

Выйдя из дома Бухтармина, Ницак загляделся на освещенные окна хлебокомбинатовских цехов. Вспомнив о лазейке в заборе, решил проверить, как несет службу выставленный для наблюдения наряд

сотрудников райотдела. Едва он, тихонько отодвинув доску, пролез на территорию, из-под навеса, где хранились баллоны, вышел невысокий молоденький сержант и, узнав начальника ОУРа, откровенно обрадовался:

— Это вы, товарищ старший лейтенант!

— Как тут дела? — спросил Ницак.

— Сейчас тихо, а перед началом смены почти как через проходную лезли. — Сержант достал из кармана блокнот. — Вот, всего за полчаса двенадцать человек записал. Все до единого объясняют, что до проходной далеко обходить, потому, мол, и лезут.

Ницак взял у сержанта блокнот. Повернувшись к свету уличного фонаря, стал внимательно читать список. Третьей была записана фамилия «Ведров». Ткнув в нее пальцем, Ницак на всякий случай уточнил:

— Этот тоже здесь пролез?

Сержант заглянул в блокнот:

— Так точно, товарищ старший лейтенант, — и показал на усадьбу Бухтармина. — Вот из того дома вышел. На мой вопрос сказал, что на смену в бараночный цех опаздывает, потому, мол, некогда до проходной обходить.

У сержанта, судя по ответу, была хорошая память. Вернув ему блокнот, Ницак отправился искать Ведрова, который действительно оказался на смене в бараночном цехе. Угрюмый, лет за пятьдесят, мужчина, то и дело царапая давно небритую бороду, поначалу выдал «информацию» еще скупее, чем Бухтармин: «А я ничего не помню». Однако Ницаку все-таки удалось заставить его кое-что «вспомнить». Во-первых, выяснилось, что пригласил Ведрова к Шурыгину, чтобы перебросить электропровода, Бухтармин. Во-вторых, когда Ведров покидал застолье, в доме Бухтармина, кроме дремлющего хозяина, оставались Николай и Костя. В-третьих, из всех пятерых собутыльников у Ведрова вроде бы наметилось алиби: перед самым домом его встретил участковый инспектор милиции и крепко отчитал за пьянку. Не откладывая в долгий ящик, Ницак через дежурного по райотделу узнал номер квартирного телефона участкового, и тот подтвердил, что вчера в одиннадцать часов вечера живущий на его участке электромонтер хлебокомбината № 3 Ведров действительно добирался домой в состоянии, как говорится, ни тяти — ни мамы.

На утреннем оперативном совещании в кабинете подполковника Моисеева присутствовал начальник областного управления внутренних дел. Хотя он не вмешивался в разговор, участники совещания чувствовали себя несколько скованно. Уже само присутствие генерала на оперативке как бы подчеркивало, что дело зачислено в разряд повышенной ответственности, которая, как известно, не только мобилизует людей, но зачастую и сковывает их инициативу. Давление генеральского авторитета внешне не сказывалось, пожалуй, только на подполковнике Моисееве, старавшемся всем видом показать оперативникам, что высокое начальство, конечно же, будет контролировать действия розыска, однако рассчитывать только на его ценные указания нельзя, так как непосредственно раскрывать преступление предстоит все-таки нам с вами, дорогие товарищи.

Первым докладывал старший лейтенант Ницак. За несколько минут он изложил информацию, на сбор которой потратил больше восьми часов. Подполковник Моисеев задал всего один уточняющий вопрос, сделал в своей записной книжке, похожей на общую тетрадь, короткую пометку и спросил:

— Обручевым кто занимался?

— Я, товарищ подполковник, — быстро ответил инспектор ОУР Нечаев и, не дожидаясь дополнительных вопросов, стал докладывать: — Кочегар Обручев сдал смену в двадцать четыре часа. С этого времени на хлебокомбинате никто из опрошенных мною его не видел. При сдаче смены был трезв. Домой пришел в пятом часу утра мокрый до нитки. Переоделся и, ни слова не говоря жене, лег спать на диван. Так он обычно поступает, когда приходит пьяный. Жена предполагает, что он путается с какой-то женщиной, поскольку ночные похождения у него — явление частое, особенно после получки. Однако на этот раз Обручев не дал жене ни копейки, а она, рассердившись, даже не спросила, получил ли он зарплату. Дежурившая ночью в хлебокомбинатовской проходной вахтерша знает кочегара Обручева:

высокий, рыжий, в очках. На мой вопрос уверенно ответила, что после смены он через проходную с территории комбината не проходил.

— Обручев живет на улице Собинова. Мог уйти напрямую, через лазейку в заборе около усадьбы Бухтармина, — сказал инспектор Шехватов.

— Вполне такое может быть, — поддержал Ницак. — К этой лазейке торная тропа проложена.

Нечаев на несколько секунд словно потерял мысль, но тут же заговорил снова:

— Интересные показания дал кочегар Сверчков. Узнав о краже, он разговаривал со слесарем Артемьевым, и тот якобы заявил, что это дело рук «очкарика» — так они между собой Обручева зовут. Пришлось проверить. Артемьев долго отказывался, дескать, ничего такого Сверчкову не говорил, но в конце концов признался: с полгода назад Обручев вроде бы в шутку предлагал ему «совместно добыть денег». Получив категорический отказ, больше на эту тему разговора не заводил. С Обручевым я пока беседовать не стал, чтобы не насторожить его, — Нечаев чуть помолчал. — Кстати, весь вчерашний день, по словам соседей, Обручев из дома не выходил, только вечером вынес на помойку ведро.

— Понятно, — сказал подполковник Моисеев и обвел взглядом присутствующих. — У кого еще что есть?

Заговорил старший инспектор ОУР горуправления капитан Беляев:

— Есть, Геннадий Федорович, любопытная кража в Октябрьском районе Новосибирска. В ночь на первое июля на хлебокомбинате имени Якушева из служебного стола заведующей лабораторией похищено сто пятьдесят рублей личных денег и секундомер в коробке с паспортом к нему.

— Преступление раскрыто? — внезапно спросил начальник УВД.

— Нет, товарищ генерал, — быстро ответил Беляев.

— Неужели двадцати дней не хватило, чтобы раскрыть пустячную кражу?

— Заявление о краже поступило в райотдел лишь через полмесяца, и написали его сотрудницы лаборатории, а не сама потерпевшая.

— Чем это вызвано?

— Пока ответить затрудняюсь, так как сведения взял из сводки нераскрытых преступлений.

Генерал нахмурился:

— Продолжайте.

— А сведения эти, — снова заговорил Беляев, — заинтересовали меня тем, что преступник, по всей вероятности, проник в лабораторию, находящуюся на втором этаже, через окно. Во всяком случае, дверной замок лаборатории поврежден не был.

— Как и на хлебокомбинате номер три? — задал уточняющий вопрос подполковник Моисеев.

— Да, Геннадий Федорович.

Подполковник Моисеев посмотрел на притихших оперативников. Встретив открытый взгляд лейтенанта Шехватова, сказал:

— Разберитесь с этой кражей.

— Шехватов ведь по краже госимущества специализируется, а деньги-то личные украли, — несмотря на присутствие генерала, лукаво вставил Ницак.

— Зато секундомер с паспортом к нему, наверняка, казенный, — стараясь не нагнетать после вопросов начальника УВД напряжения, с легкой улыбкой ответил Моисеев.

Совещание продлилось больше часа. Половину времени потратили на обсуждение различных версий. В итоге их наметилось три: «Плотники», «Бухтармин с компанией» и «Кочегар Обручев». В четвертой версии под подозрение попадал слесарь Дударев, который накануне происшествия выпивал со Сверчковым в кочегарке, а на следующий день не вышел на работу и дома не появлялся. Однако эта версия быстро отпала. В самый разгар ее обсуждения раздался звонок дежурного по райотделу. Оказывается, Дударев провел ночь, когда совершилось преступление, в медвытрезвителе Центрального района. За учиненное там мелкое хулиганство он сразу же, утром, был приговорен к пятнадцатисуточному наказанию.

С облегчением вычеркнув фамилию Дударева из числа подозреваемых, подполковник Моисеев посмотрел на начальника УВД:

— У вас будут указания, товарищ генерал?

Генерал провел ладонью по седым волосам:

— Я могу дать только одно указание: найдите похищенные деньги, верните их рабочим.

Общая картина на хлебокомбинате имени Якушева инспектору Шехватову стала ясна буквально через полчаса. В отличие от хлебокомбината № 3 контора здесь находилась вне территории, и вход в нее был без пропускной системы. С наружной стороны здания на крышу вела металлическая пожарная лестница, а под окнами второго этажа выступал прочный полуметровый карниз. Поднявшись по лестнице до этого карниза, преступник без труда перебрался на него, прошел всего четыре метра и проник в лабораторию через окно, которое, как выяснилось, никто из лаборанток, уходя с работы, не имел привычки закрывать. Совершив кражу, вор тем же путем благополучно и удалился. Словом, кража была пустяковая, и по горячим следам ее можно было бы раскрыть сравнительно легко. Спустя же двадцать дней это сделать было в сотню раз труднее.

Заведующая лабораторией — спокойная сорокалетняя женщина, несколько смущаясь, рассказывала Шехватову:

— В тот день я первой пришла на работу и обратила внимание, что книжный шкаф, где хранится техническая литература, раскрыт, хотя я лично предыдущим вечером, уходя с работы, его закрывала. Ничего не подозревая, подошла к шкафу. Вижу, моей сумки нет. Машинально открыла тумбочку — сумка там, а в ней: наш микроскоп, никелированный чайник, из которого обычно в обед чай пьем, и шесть ложечек. Кто и зачем это сделал — не могла понять. Подхожу к своему рабочему столу — замок взломан. Там у меня деньги лежали, сто пятьдесят рублей. Шесть десятков, десять троек и две пятерки — в голубом пакете, а полсотни отдельно. Все бумаги перерыла — денег нет. И еще в столе не оказалось новенького секундомера с коробочкой, в которой он лежал, и паспортом.

— Почему так поздно заявили о краже? — спросил Шехватов.

Заведующая лабораторией покраснела:

— Я вообще не хотела заявлять. Это лаборантки написали заявление и отнесли его в милицию.

— Выходит, для них ваша утрата больнее?

— Да знаете... Когда кража случилась, я все рассказала директору комбината, как вам вот рассказываю. Он не посоветовал вызывать милицию, потому что подозрение может упасть на работников лаборатории,

— Не захотели сор из избы выносить?

— Да знаете... Хотела сделать как лучше, а лаборантки обиделись, дескать, я их подозреваю и молчу.

— Из-за вашего молчания теперь нелегко будет найти преступника.

— Да пусть он подавится этими деньгами, — заведующая лабораторией безнадежно махнула рукой.

— Может вы действительно кого-нибудь из лаборанток подозреваете?

— Честное слово, нет. Коллектив у нас хороший. Много лет работаем вместе, и даже копейки ни у кого никогда не пропадало на работе.

— Бывает, как говорится... — осторожно намекнул Шехватов.

— Нет, — уверенно повторила заведующая. — Я уже всяко передумала. Лаборантки могли взять деньги, не взламывая стола. В рабочее время я ведь никогда его не закрываю, а из лаборатории отлучаюсь часто.

— Лаборантки знали, что вы храните в столе деньги?

— Никто, кроме меня, об этом не знал.

Дело принимало загадочный оборот. Если даже сотрудницы лаборатории не знали о том, что их заведующая хранит в своем рабочем столе деньги, то как же узнал об этом преступник, явившийся сюда незванным гостем? Привыкший докапываться до истины путем логических размышлений, Шехватов долго ломал над этим вопросом голову и успокоился лишь после того, когда выяснил, что в лаборатории закрывался на ключ один-единственный стол — стол заведующей. Отсюда следовал вывод: что-то ценное могло храниться только в закрытом столе, и преступник взломал его. Судя по всему, забрался он в лабораторию на авось. Вначале хотел унести микроскоп и чайник, так как более ценного здесь ничего не нашел, но, когда

выгреб из стола деньги, решил «не мелочиться». Попутно с деньгами прихватил секундомер, который карман не оттягивал.

Придя к такому выводу, Шехватов попрощался с заведующей. Миновав короткий переулок, вышел на троллейбусную остановку. С безоблачного неба щедро палило солнце. Сильно хотелось пить. У одинокого автомата газированной воды, рядом с остановкой, вытянулась длинная очередь. Прикидывая, сколько минут придется простоять под палящим солнцем, Шехватов в самом начале очереди неожиданно увидел инспектора Нечаева и, ни слова не говоря, подошел к нему. Тот, уступая место, чуть подался назад. Очередь зароптала. Нечаев обернулся:

— Ну, чего зря шуметь, товарищи? Я хотел два стакана выпить, теперь с другом поделюсь.

— А со мной не мог поделиться? — язвительно спросила изнывающая от жары полная женщина.

— Мог бы, но вы очень сердитая.

— Станешь сердитой, когда на весь район — единственный автомат с газировкой.

— Правильно! Куда общепит в такую жару смотрит? Хотя бы мороженым торговали, что ли...

Залпом проглотив под шумок по стакану шипучей воды, отошли от автоматической «поилки». Нечаев, скосив глаза на Шехватова, усмехнулся:

— Хорошо, что оба без формы, а то пришлось бы тебе полчаса в очереди потеть, — и сразу спросил: — На комбинате Якушева был, да?..

Шехватов кивнул:

— Тебя-то каким ветром в этот район занесло?

— Обручевские связи выявляю. Понимаешь, в прошлом году Обручев жил здесь, на улице Инской. Половину избушки-развалюшки снимал, а нынче, как говорят соседи, частенько к бывшему хозяину в гости заглядывает.

— Кто этот хозяин?

— Некто Эдуард Чигошев — тридцатидвухлетний балбес без определенных занятий. К уголовной ответственности пока не привлекался, но, насколько удалось выяснить, это тип, способствующий преступлению. Нигде не работает, пьет по-черному,

какие-то женщины сомнительного поведения у него постоянно ночуют... Короче, «малину» нэпмановской поры в своей избушке завел.

— И когда последний раз Обручев здесь был?

— Где-то в первых числах этого месяца соседи его видели. К Чигошеву не то брат, не то сват какой-то приезжал. Вот они втроем и веселились до полночи... — Нечаев сделал паузу. — А вообще-то Обручев сегодня, по-моему, занервничал. После утренней оперативки я еще раз с его женой побеседовал, и, видимо, она ему что-то передала. Понимаешь, иду по улице Собинова, и Обручев как раз из дома вышел, вроде к автобусной остановке хотел направиться. Увидел меня и — в обратную шарахнулся. Минут двадцать я на остановке торчал, но он так и не появился.

— Обручев что, в лицо тебя знает?

— Нет. Жена, наверное, подсказала. Я уже надоел ей своими расспросами. Начинаю побаиваться, как бы не перестараться, раньше времени не вспугнуть.

— Не бойся. Пусть он нас боится, если грешен.

Нечаев несколько секунд подумал:

— Понимаешь, а ведь верная мысль! Если у Обручева рыльце в пушку, он сразу же, как только почувствует, что мы вышли на его след, начнет хвостом мести и со страху наверняка какую-нибудь глупость отмочит.

Утром третьих суток со времени происшествия подполковник Моисеев почувствовал, что обстановка начинает накаляться. Все принятые оперативные меры ощутимого результата пока не давали. Более того, словно мыльные пузыри, одна за другой, стали лопаться намеченные версии. Так, например, попавшие на первых порах под подозрение плотники при тщательной проверке оказались самыми заурядными браконьерами. В ночь, когда случилось преступление, они

были задержаны рыбнадзором на Оби, в районе Симанской протоки, и оштрафованы за незаконный лов стерляди.

Как всегда при особо сложной оперативной обстановке, по городу стали распространяться тревожные обывательские слухи. Вполне солидные с виду люди то и дело смаковали все новые и новые подробности какого-то сверхзагадочного преступления, где как будто бы украли больше миллиона и все рублями. Выпустили на волю этот слухок магазинные кассиры и официантки ресторанов, которым в оперативном порядке было наказано брать на заметку каждого покупателя или клиента, платящего крупную сумму тройками или пятерками, так как основную часть похищенных на хлебокомбинате денег составляли именно такие купюры. Обыватель по натуре — человек не злой, но очень уж во всем «компетентен» и категоричен: «Да знаю я наш уголовный розыск! У меня, к вашему сведению, есть один знакомый... Это только в кино да в книжках сыщики ночами не спят, преступников ловят...»

А между тем участники оперативной группы, возглавляемой подполковником Моисеевым, на самом деле уже третьи сутки почти не спали. На ноги был поставлен весь личный состав райотдела и горуправления. Информацию брали из самых различных источников. Все, что хотя бы мало-мальски проливало свет на происшествие, сравнивалось, перепроверялось вдоль и поперек. Эксперты-криминалисты оперативно-технического отдела УВД, не разгибая спины, сидели над срочными экспертизами. С каждым часом кольцо по раскрытию преступления сужалось, но, когда начались третьи сутки оперативного розыска, в этом кольце еще была довольно широкая брешь.

Буквально накануне утреннего совещания подполковнику Моисееву передали заключение экспертизы по исследованию ломе-выдержки, обнаруженного, инспектором Шехватовым на месте происшествия. Старший эксперт-химик оперативно-технического отдела УВД майор милиции Голубев, проводивший исследование, сделал вывод: «На представленном ломе-выдержке имеется три вида масляной краски, которые по цвету, флюоресценции, запаху продуктов сгорания, качественному химическому составу и отношению к кислотам и щелочам одинаковы с краской на трех кусках частей выпиленных косяков дверей». В переводе на общепонятный язык это

означало: двери хлебокомбинатовской бухгалтерии и кассы взломаны именно этим ломом-выдергой.

Прочитав заключение вслух, подполковник Моисеев обвел взглядом оперативников. Даже обычно оживленный Ницак на этот раз сидел насупленно, словно его только что крепко обидели.

— Что, Виктор Васильевич, нос повесил? — обращаясь к нему, спросил Моисеев.

— Радоваться нечему, Геннадий Федорович, упустили, по-моему, мы вчера Обручева, — Ницак тяжело вздохнул и стал рассказывать.

Вчерашним вечером, чтобы дать инспектору Нечаеву передышку, вести наблюдение за Обручевым было поручено одному из смекалистых молодых сотрудников. Тот, со старанием взявшись за дело, видел, как в десятом часу Обручев вышел из дома, огляделся и на минуту зашел в сарай. Оттуда появился как будто с пустой хозяйственной сумкой. Опять огляделся, вроде бы поправил развязавшийся на ботинке шнурок и тихонько направился к болоту, которое расположено за домом, в кустарнике. Там еще раз «поправил» шнурок, а потом вдруг исчез за кустами. Минут через пятнадцать сотрудник окольными путями пробрался к болоту, а Обручева уже и след простыл.

— Это ж он деньги унес! — стукнув кулаком по коленке, досадливо закончил Ницак.

— Долго его дома не было? — спросил Моисеев.

— В первом часу ночи только появился, без сумки.

Подполковник Моисеев быстро оглядел присутствующих:

— Где Нечаев?

— По Обручеву работает, — ответил Ницак. — Я приказал, чтобы сегодня, кровь из носа, выяснил, куда Обручев сумку дел. По-моему, Геннадий Федорович, Обручев обстоятельно к преступлению готовился. И выдергу заранее у плотников припрятал в укромном месте, и веревку приготовил. Как показывают его коллеги по работе, человек он скрытный, ко всему присматривается, вроде вынюхивает. Во время каждой смены таскает из цеха столько хлебобулочных изделий, что съесть их не может. Короче говоря, надо задерживать Обручева в качестве подозреваемого согласно сто двадцать второй статье УПК. Честное слово, интуиция меня не обманывает...

— Интуиция, Виктор Васильевич, штука хорошая, — вмешался в разговор присутствующий на совещании прокурор района, — но ее, как говорится, к делу не пришьешь. Чтобы применить к подозреваемому крайнюю меру пресечения, нужны веские аргументы.

Ницак круто повернулся к говорившему:

— Аргументов больше чем достаточно! А вот пока мы будем их взвешивать, Обручев так украденные деньги спрячет, что и днем с огнем их не отыщем.

— Не горячись, — миролюбиво сказал прокурор. — Свидетельские показания надежные?

— Из разных источников получены, оформлены по закону. Мы не забываем о прокурорском надзоре, — соглашаясь на мировую, ответил Ницак. — Для полной характеристики Обручева могу добавить, что это хвастун, стремящийся постоянно выделиться из окружающей среды. Например, в начале этого месяца с позолоченными наручными часами на смену пришел. Мужики спрашивают: «За какие шиши купил?» — «Да тут, — говорит, — в одном месте сто пятьдесят рубчиков плохо лежали». А через неделю поехал со слесарем Дударовым на пляж в Бугринскую рощу и потерял там часики. Дударев начал ему сочувствовать, а он в ответ: «Как пришли, так и ушли». Вот, мол, какая у меня широкая натура! А между тем это же типичное отношение к украденному...

Прокурор посмотрел на Моисеева:

— Что дактилоскопическая экспертиза дала?

— Отпечатков Обручева на месте происшествия не обнаружено.

— Следы босых ног не идентифицировали?

— К сожалению, ни одного отпечатка, пригодного для идентификации, не оказалось. Дождь ведь проливной лил, ноги преступника, когда он забрался в контору, были мокрыми, — ответил подполковник Моисеев и посмотрел на инспектора Шехватова, давно порывающегося что-то сказать. — Разобрался вчера на хлебокомбинате Якушева?

Шехватов утвердительно кивнул:

— Есть основания, Геннадий Федорович, предполагать, что Обручев там побывал. Его рук это дело.

Моисеев положил на стол бланк экспертизы, который до этого держал в руке:

— Вы что, сговорились с Ницаком?

— Нет, Геннадий Федорович, не сговаривались, — Шехватов чуть смутился. — По-моему, дело таким образом было... Как установлено инспектором Нечаевым, в начале этого месяца Обручев выпивал с хозяином прошлогодней своей квартиры на улице Инской. Это недалеко от хлебокомбината имени Якушева, на котором Обручев раньше работал и наверняка знал его расположение. Уходил с пьянки ночью. Увидел открытое окно лаборатории и не удержался от соблазна. На украденные деньги купил часы, о которых только что упоминал Виктор Васильевич. — Шехватов обратился к Ницаку: — Обручев именно так и сказал, что «в одном месте сто пятьдесят рубчиков плохо лежало»?

— Именно так.

— Как раз эта сумма украдена у заведующей лабораторией. Время кражи и покупки часов Обручевым примерно совпадает. Вот так я думаю, Геннадий Федорович...

— Логичные рассуждения, давайте их обсудим, — подполковник Моисеев устало потер глаза. — Откуда Обручев узнал, что заведующая лабораторией держит в своем рабочем столе деньги?

— Он и не знал об этом. Залез в лабораторию, рассчитывая только на то, что авось что-нибудь подвернется.

— Сомневаюсь, чтобы преступник стал рисковать наобум. Что-то должно было там его привлечь... Какие ценности могут храниться в лаборатории?

Наступило молчание.

— Спирт, — шутливо сказал Ницак.

Моисеев задумался:

— А что?.. Попробуем обосновать: Обручев и компания засиделись допоздна, когда спиртного уже не купишь, а выпить, как это обычно у них бывает, еще хотелось. Где взять?.. Вот тут-то и привлекло открытое окно лаборатории...

Внезапно зазвонил телефон. Подполковник снял трубку. По содержанию разговора Шехватов догадался, что звонит инспектор Нечаев. Так оно и вышло. Закончив разговор, Моисеев посмотрел на Ницака:

— Вчера поздно вечером Обручев с хозяйственной сумкой приходил на улицу Инскую к Чигошеву. Того дома не оказалось, и

Обручев сразу ушел.

— Сумку не оставил?

— Нет.

— Значит, куда-то в другое место унес деньги! Домой-то он без сумки вернулся. Братъ надо Обручева, Геннадий Федорович...

— Не торопись, выслушай до конца, — чуть приподняв ладонь, спокойно сказал Моисеев. — Сегодня, по словам соседей, Обручев все-таки встретился с Чигошевым. Из чигошевского дома они ушли вместе, а полчаса назад один из наших участковых инспекторов видел, как Обручев в промтоварном магазине у сада Кирова купил себе брюки.

— Вот! — живо подхватил Ницак. — Откуда, позвольте спросить, у него деньги на брюки взялись?

— Вчера, помнится, Нечаев говорил, что Обручев ни копейки из своей зарплаты жене не отдал.

— Он и не получал зарплату. Пока утром отсыпался после происшествия, жена проверила карманы — в них ни копейки не было. Задерживать надо Обручева, Геннадий Федорович, немедленно задерживать...

Подполковник Моисеев задумался. От его решения сейчас зависело очень многое, быть может, даже конечный результат розыска. Оперативное задержание разом обрывает все связи подозреваемого. С одной стороны, это хорошо, с другой — плохо. Если при обыске, который обычно производится в момент задержания, будут обнаружены вещественные доказательства, то подозреваемому ничего иного не останется, как поднять перед оперативниками руки и признать себя виновным. В противном случае, если, скажем, тот же Обручев успел передать деньги «надежным» друзьям и умело скрыл свои следы, то доказать его виновность будет не так-то просто, а главное — розыск денег может настолько затянуться, что к моменту их обнаружения от похищенной суммы останутся рожки да ножки.

Задержание Обручева было решено произвести врасплох, прямо в его доме, и немедленно доставить в райотдел для обстоятельного допроса. Предусмотрели, казалось, все возможные осложнения, однако непредвиденное все-таки случилось. Когда Беляев, Ницак, Шехватов и молодой инспектор ОУР райотдела Казаков внезапно вошли в дом, Обручев кормил из соски дочь и больше во всем доме ни души не было. Пришлось ждать, когда вернется жена, ушедшая, как выяснилось, в магазин буквально перед самым приездом группы задержания. Томительно потянулось время...

Обстановка небольшой комнаты, которую занимала семья Обручева, была более чем скромной. Единственной роскошью здесь можно было с натяжкой посчитать новенький телевизор с крупным экраном да шкаф, довольно плотно заставленный книгами. Рослый, с глубокими залысинами в рыжей шевелюре курчавых волос, Обручев, поминутно протирая пальцами очки, как будто они то и дело запотевали, очень заботливо ухаживал за дочерью: пеленал ее, брал на руки, подогревал в сжатых ладонях бутылочку с молоком. И все это делалось с такой нежностью, словно отец навсегда прощался с ребенком.

Чтобы не видеть этой печальной сцены, Шехватов стал рассматривать корешки книг в шкафу, особняком от которых стояли «Справочник по криминалистике» и «Уголовный Кодекс РСФСР». Ницак тоже подошел к шкафу. Увидев «криминальные» книги, показал на них и спросил Обручева:

— Изучаете?

— Да так... Вместо детективов читаю, — глухим голосом ответил Обручев.

— А сами зачем детективные истории делаете?

Обручев протер очки:

— Какие?..

— Где деньги? — внезапно бросил Ницак.

На лице Обручева появилось недоумение. Какое-то время он мучительно соображал и вдруг совершенно неожиданно ответил:

— Истратил.

— Все?!

— Их там всего сто пятьдесят рублей было. Часы купил, потом потерял на пляже у Бугринской рощи.

Столь быстрое признание удивило даже опытного старшего инспектора ОУР горуправления милиции капитана Беляева. Однако он, ничем не выдав своего удивления, спокойно сказал:

— Речь идет не о ста пятидесяти рублях из лаборатории, а о хищении пятнадцати тысяч из кассы хлебокомбината, на котором вы работаете.

И опять Обручев всех огорошил:

— На своем комбинате я только шторы из красного уголка в прошлом году украл.

Беляев мобилизовал всю свою выдержку:

— У нас есть сведения, что вы предлагали одному из своих товарищей по работе «совместно добыть деньжат». Было такое?

Обручев, казалось, задался целью во что бы то ни стало обескуражить сотрудников уголовного розыска. Открыто глядя сквозь очки в глаза капитану Беляеву, он виновато проговорил:

— Ну, было. Только меня кто-то опередил.

— Кто? — быстро спросил Ницак.

— Не знаю.

Версия начинала рушиться, словно карточный домик. Обручев, похоже, был растерян, душевно смят и подавлен. Бесцветным глухим голосом он довольно искренне рассказывал о чем угодно, только не о краже пятнадцати тысяч из кассы хлебокомбината. С таким же упорством отрицал эту кражу и на допросе в райотделе, куда капитан Беляев доставил его на оперативной милицейской машине сразу, как только из магазина вернулась домой жена — уставшая грустная женщина с большими печальными глазами.

Будто верующий на исповеди, Обручев подробно рассказывал подполковнику Моисееву и капитану Беляеву, как в прошлом году, забравшись по крыше пристройки через окно в красный уголок, ночью унес оттуда шторы, продал их на толкучке за пятьдесят рублей, хотя они фактически стоили без малого три сотни, и пропил вырученные деньги. Затем так же детально «исповедовался» в хищении денег из стола заведующей лабораторией хлебокомбината имени Якушева. Характерно, что версия этой кражи, предложенная инспектором Шехватовым и поддержанная подполковником Моисеевым, совпадала с действительностью во всех подробностях. Даже причиной,

побудившей Обручева проникнуть в лабораторию, как и предполагалось, было желание отыскать там хоть маленько спирту.

— Куда дели украденный вместе с деньгами секундомер? — спросил капитан Беляев.

— Вначале думал, что это карманные часы, а когда разобрался, выбросил в болото возле своего дома, — хмуро ответил Обручев.

— Значит, хищение денег из кассы категорически отрицаете?

— Отрицаю.

— А на какие деньги купили сегодня брюки?

На лице Обручева появилась натянутая улыбка:

— Подглядывали, что ли, за мной?

— Вы рассчитывали, что уголовный розыск будет стыдливо отворачиваться от подозреваемого? — вопросом на вопрос ответил капитан Беляев.

Обручев в который уже раз принялся протирать очки:

— По-вашему, я и на брюки не заработал...

— Сколько вы зарабатывали, нам известно. Отвечайте конкретно: на какие деньги купили брюки?

— Ну, если конкретно, то на зарплату купил из последней полочки.

— Которую не получали...

Обручев чуть вздрогнул:

— Это надо доказать! Кассиру поверили, да? Разве она всех упомнит, кто получал.

— А платежная ведомость?.. — ровным голосом, но очень внезапно спросил подполковник Моисеев.

— Что платежная ведомость?! — На крупные залысины Обручева словно брызнули невидимым пульверизатором. Мелкие бисеринки пота мгновенно вспухли крупными каплями и струйками потекли по вискам. Сообразив, что дал «осечку», Обручев тихо повторил: — Ну, что платежная ведомость?

— Откуда вам известно, что вместе с деньгами исчезли кассовые документы?

— Я разве сказал, что документы исчезли?

— Нет, не сказали, но мы прекрасно вас поняли, — Моисеев перехватил откровенно растерянный взгляд Обручева. — Напрасно пытаетесь лгать. Поймите, это не в вашу пользу.

— Не брал я кассу, — упрямо буркнул Обручев.

— А если все-таки «брали»?

— Докажите.

— Докажем. Знаете о том, что существует неотвратимость наказания? Каждый преступник, сделав черное дело, стремится как можно дольше не попасться. Наша задача — как можно раньше его задержать. Мы обязательно раскроем это преступление, не имеем права его не раскрыть — слишком большая сумма хищения. Понимаете?.. И вот до тех пор, пока преступление будет не раскрыто, уголовный розыск постоянно будет рядом с вами. Вы не отделаетесь теми мелкими хищениями, которые сейчас признаете. Кстати... — договорить подполковнику не дал зазвонивший телефон. Моисеев, сняв трубку, назвал себя и сразу узнал приглушенный голос Ницака:

— Геннадий Федорович, при обыске у Обручева пусто.

— Хорошо смотрели?

— Скворечник и тот проверили. Какие указания будут?

— Чуть позднее.

Опуская телефонную трубку на аппарат, Моисеев краем глаза заметил, что Обручев напряженно думает. Стараясь прервать его своеобразный тайм-аут для размышлений, подполковник быстро продолжил недосказанную мысль:

— Кстати, хотите объясню причину вашей откровенности по мелким хищениям? Из двух зол вы решили выбрать меньшее. Украденные шторы и сто пятьдесят рублей — это суцая мелочь в сравнении с пятнадцатью тысячами. Ну, сколько вам за них дадут?.. Учитывая чистосердечное признание, максимум три года в колонии общего режима. А за пятнадцать тысяч?.. — Моисеев раскрыл лежавший на столе «Уголовный Кодекс РСФСР», перелистнул несколько страниц. — Вот, слушайте... Статья девяносто третья, «прим»: «Хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, независимо от способа хищения, наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества, со ссылкой или без таковой или смертной казнью с конфискацией имущества». Чувствуете, чем пахнет?.. Сейчас украденные деньги наверняка еще целы, но, пока вы будете изворачиваться и водить нас за нос, от них может ничего не остаться. Дружки промотают похищенные вами пятнадцать тысяч, а

расплачиваться высшей мерой наказания придется вам. Представляете нелепость своего положения?..

Обручев, зажмурив глаза, снова начал протирать очки.

— Да снимите вы их! — не сдержался капитан Беляев. Он хотел тут же добавить: «Они же мешают вам», однако, заметив, как Обручев внутренне надломился, смолчал.

Наступила гнетущая тишина. За окнами ослепительно сияло июльское солнце, голубело безоблачное небо. Сыто урчали проносящиеся мимо райотдела автомобили. Под бодрую транзисторную музыку протопала звонкоголосая молодежная компания. Недалеко громко заплакал ребенок, и ласковый старушечий голос сразу стал его успокаивать. Словом, на улице шла обычная жизнь с ее будничными радостями и печальями, а здесь, в кабинете, все вроде бы замерло.

Обручев молчал очень долго, но ни подполковник Моисеев, ни капитан Беляев не торопили его. Наконец, он еще раз протер очки и, вымученно улыбнувшись, проговорил:

— Я покажу, где деньги...

— Это далеко? — тихо спросил подполковник.

— В Октябрьском районе.

— У Чигошева?

— Нет.

Подполковник Моисеев снял телефонную трубку, заказал оперативную машину.

Милицейский «УАЗ» с госномером 20-77 НСГ, то и дело приседая на разбитой колее, остановился в конце улицы Маяковского. Кроме подполковника Моисеева и Обручева, из машины вышли капитан Беляев, заместитель начальника следственного отделения УВД Суханов, следователь Прокопенко, инспектор ОУР Язовский, эксперт оперативно-технического отдела УВД Глазунов и двое понятых. Выйдя на узкую тропу, тянущуюся вдоль заборов частных застройщиков по

кроме железнодорожной выемки, у дома № 12 вся группа, вытягиваясь гуськом друг за другом, повернула вправо по направлению к железнодорожной станции Новосибирск-Южный. Обручев шел впереди. Метров через семьдесят он остановился и показал на свежевзрыхленную землю под густо разросшимся кленовым кустом.

— Здесь...

— Раскапывайте, — сказал подполковник Моисеев.

Нагнувшись, Обручев руками выгреб землю из неглубокой ямки — денег не было. На лице Обручева появилась растерянность. Он лихорадочно начал было шарить под кустом, но, убедившись, что и там ничего нет, судорожно сглотнул слюну:

— Кто-то опередил уже...

— Кто? — сухо спросил Моисеев.

— Не знаю.

— Кассовые документы тоже здесь были зарыты?

— Нет. Документы утопил в болоте у своего дома.

Моисеев попросил эксперта сфотографировать местность. Подождав, когда тот, пристраиваясь с разных точек, «защелкал» чуть не всю пленку, коротко сказал шоферу:

— На улицу Собинова.

У райотдела к «УАЗу» присоединилась машина с остальными участниками группы розыска. Поплутав по окраинным улицам, обе машины добрались до Обручевского дома, обогнули усадьбу и остановились на пустыре, за которым тянулись длинные прогалины застойной воды с густой осокой и чахлыми кустиками по берегу. Обручев, понуро выйдя из машины, показал на самую широкую прогалину:

— Кажется, туда бросил узел с документами.

Приехавший на второй машине Ницак разочаровано свистнул:

— Нырять придется...

— Болотные сапоги есть, — сказал Обручев. — Принести?

— Неси, — живо ответил Ницак. — Тебе они теперь долго не понадобятся.

Сапоги по размеру подошли инспектору ОУР Язовскому — самому рослому из оперативников. То и дело глубоко проваливаясь в зеленоватую от плесени воду, раздетый до трусов, Язовский медленно

побрел по болоту. Иногда он останавливался, осторожно прощупывал ногами поповшиеся на пути предметы и шел дальше. Дойдя до противоположного берега, так же медленно возвратился назад и начал новый заход. Стоявшие на берегу вразнобой давали советы. Прошло больше часа, когда Язовский затоптался на одном месте дольше обычного. Балансируя широко раскинутыми руками, он вроде бы хотел что-то поднять ногой со дна.

— Федя! — нетерпеливо крикнул Ницак. — Ну что ты там танцующего лебеда изображаешь?

— Вроде узел какой-то... — ответил Язовский. — Никак не могу подцепить. .

— А ты нырни, Федя!

— Вода сильно тухлая — задохнуться можно.

— Ныряй!.. МВД не забудет своего героя.

Неожиданно, словно подчинившись шутливому совету Ницака, Язовский потерял равновесие и по самую шею скрылся в воде. Выпрямился он быстро, весь облепленный тиной и с узлом в руке. Все разом оживились. Один лишь Обручев стоял, понуро опустив рыжую голову. Язовский медленно подошел к берегу и бросил узел на траву. Следователь Прокопенко сразу склонился над находкой. Это оказались хлопчатобумажные темно-синего цвета брюки и куртка рабочей спецодежды с завернутой в них тяжелой сырой чуркой. Карманы брюк и куртки были раздуты. Следователь вытащил оттуда сначала брезентовую рукавицу, затем принялся извлекать размокшие чековые книжки со штампом «Хлебокомбинат № 3», приходно-расходные ордера, платежные ведомости, незаполненные доверенности, марки госпошлины и в завершение всего из последнего проверяемого кармана достал рублевые клипсы, приколотые к фабричной картонке.

— О!.. — удивился один из понятых — вихрастый, с веснушчатым носом паренек. — А клипсы-то откуда?

— Из сейфа, — испуганно ответил Обручев. — Наверное, кассирша свои хранила.

— Зачем с документами напакостничали? — спросил подполковник Моисеев.

— Они вместе с деньгами лежали. Боялся, отпечатки пальцев на них оставлю.

— Следы босых ног в бухгалтерии затирали?

— Нет, это я в рукавицах мелочь с пола подбираю, ну и... понамазал.

— Вот жадюга, даже мелочевку собрал, — тихо проговорил все тот же вихрастый паренек из понятых.

Пожилой усатый мужчина, тоже привлеченный в качестве понятого, коротко бросил:

— Азарт...

Следователь Прокопенко начал писать протокол. Капитан Беляев отозвал подполковника Моисеева в сторону. Показав взглядом на понуро стоящего Обручева, спросил:

— Как вы, Геннадий Федорович, на все это смотрите?

— Я, Валентин Петрович, смотрю так... — Моисеев недолго помолчал. — Беснаказанность развращает преступников. Взять хотя бы данный пример. Украл в прошлом году Обручев из красного уголка шторы — сошло с рук. Месяц назад проник в лабораторию хлебокомбината имени Якушева — опять шито-крыто. Ну, как, скажите, при таких «удачах» не уверовать, что родился под счастливой звездой? Как не попытаться счастья по крупному счету?.. А ведь если бы при краже штор немедленно забили тревогу, мы уже тогда взяли бы Обручева за руку, и не было бы на его счету двух последующих хищений. Ну да что говорить о прошлом — надо с нынешним разобраться до конца. Пойдемте еще раз побеседуем с виновником «торжества»...

Беседа было недолгой. Окончательно убедившись в бессмысленности запирательства, Обручев обреченно сказал:

— Чигошев мог взять деньги.

— Он ваш соучастник? — спросил подполковник Моисеев.

— Нет, я показал ему куст, под которым зарыл деньги.

Моисеев повернулся к капитану Беляеву:

— Берите, Валентин Петрович, двух оперативников, кто помоложе, и — срочно к Чигошеву! Только, пожалуйста, не упустите его...

Задержание преступника — одна из ответственных операций в оперативно-следственной работе. Даже безобидные, казалось бы, с виду карманники, стараясь уйти от уголовной ответственности, порою выкидывают такие отчаянные трюки, предусмотреть которые заранее невозможно. Поэтому опытный розыскник капитан Беляев, выбрав с собою на задержание Чигошева молодых инспекторов ОУР Шехватова и Казакова, прежде всего попросил их проверить личное оружие и строго-настрого наказал не забывать во время операции старую народную мудрость: береженного бог бережет...

С первым сюрпризом оперативники столкнулись сразу, как только вошли в избу Чигошева. В небольшой, сильно запущенной комнатенке за столом с наполовину опорожненной стеклянной банкой пива сидели две женщины неопределенного возраста из той категории, которые во все времена года толкуются возле зланных питейных мест. На вопрос Беляева, где хозяин, одна из женщин с вызовом ответила:

— А кто вы такие?!

— Мы сотрудники уголовного розыска, — показывая удостоверение, сказал Беляев. — Прошу вас предъявить документы.

Женщины ошарашено переглянулись. Никаких документов у них, конечно, не было, но та, которая вначале повела себя дерзко, при упоминании уголовного розыска настолько перепугалась, что ее показания не вызвали сомнений. Оказалась она случайной собутыльницей Чигошева и даже фамилии его не знала, только имя — Эдуард. Познакомилась с ним двое суток назад. Вместе выпили, переночевала здесь, а сегодня опять пришла сюда, рассчитывая снова на выпивку. Эдуард дал три рубля, послал за пивом, а сам поехал к какому-то другу. Предупредил, что скоро вернется и чего-нибудь покрепче выпить принесет.

Капитан Беляев посмотрел на вторую женщину:

— Вы как здесь оказались?

Будто вдохновленная откровением подруги, та на едином дыхании скороговоркой выложила:

— Случайно у пивного ларька Капитолину встретила — мы в соседях когда-то жили. Разговорились. Капитолина сказала, что недавно вышла замуж за геолога, и в гости пригласила. Эдуарда я в глаза ни единого разу не видала и вообще в этой хате первый раз.

Беляев повернулся к Капитолине:

— Эдуард геологом себя называл?

— Говорил, что очень много ездит, вот я и подумала: наверно, геолог.

— Разве одни геологи ездят?

— Ну... у него деньги есть.

— Много?

Капитолина пожала плечами:

— На выпивку хватает, да еще шляпу вчера себе купил, нейлоновую рубашку. — И тревожно посмотрела на подругу. — Нина, однако, пойдём, а?..

— Нет, дорогие, уходить вам сейчас нельзя, — строго сказал капитан Беляев. — Будем вместе ждать Эдуарда.

Инспектор Шехватов, стараясь выбрать место у окна, из которого хорошо просматривается участок улицы, прилегающий к дому, сел на самый краешек старенького замызганного дивана. Исподволь наблюдая за притихшими женщинами, он поднял глаза на пустующий покосившийся книжный шкаф и вдруг почувствовал, как учащенно застучало сердце — на шкафу из-под небрежно брошенной газеты виднелись края толстенных денежных пачек. Деньгами был уложен весь верх шкафа, и рядом с ним, даже не подозревая о таком богатстве, сидели две опустившиеся подвыпившие женщины, для которых большой радостью была полупустая трехлитровая банка пива.

Первым из участников группы задержания увидел Чигошева вышедший для подстраховки во двор капитан Беляев. Беспечно помахивая плетеной авоськой с бутылкой вина и пучком зеленого лука, Чигошев шел к своему дому без малейшей озабоченности или тревоги. Широко распахнув дверь, он весело шагнул через порог и, сразу оказавшись между одетыми в штатское Шехватовым и Казаковым, в первый момент, по всей вероятности, принял их за грабителей:

— Ребята, вы чо?.. Вы чо, ребята?!

— Уголовный розыск, — лаконично сказал Шехватов.

Испуг на лице Чигошева мгновенно сменился возмущением. Пытаясь рвануться из крепких инспекторских рук, он визгливо закричал:

— По какому закону?! Не имеете права без разрешения прокурора!..

— Прокурор сейчас здесь будет, — проговорил у него за спиной капитан Беляев.

Чигошев затравленно оглянулся и сник. На поверку он оказался слабовольным, уже к тридцати годам основательно спившимся человеком, способствующим любому преступлению из-за постоянного отсутствия денег на выпивку. Когда появились подполковник Моисеев и прокурор со следователем, Чигошев в присутствии приглашенных понятых не только показал уже обнаруженные деньги на шкафу, но и добровольно вытащил из печной духовки вместительный металлический ящик, плотно набитый денежными купюрами. В общей сложности у Чигошева было изъято 13522 рубля 53 копейки. При личном обыске в его карманах обнаружили всего 86 копеек.

В этой повести нет ничего вымышленного. В ней только изменены фамилии свидетелей, подозреваемых и преступников. С той поры, когда была совершена кража, прошло значительное время.

Большие изменения произошли в биографиях участников оперативной группы, сумевших в очень короткий срок раскрыть серьезное преступление и вернуть государству похищенные деньги. Лишь биография кочегара Обручева после этой печальной истории остановилась на тринадцать лет...

1981 г.